

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 18 мая 2020

“NUESTRO PAÍS”

Buenos Aires, 18 de mayo de 2020

No 3126

Трупный яд в ванильной упаковке

К 75-ой годовщине окончания советско-германской войны

«Великая Победа», безбожная советская пасха 9 мая – это единственный идеиний стержень, оправдывающий существование неосоветской путинской системы.

Путинская РФ отметила столь юю любимый праздник – 9 мая, «День Победы в Великой Отечественной войне». И можно долго смеяться над многогранной и удивительной приурочью, это празднование сопровождающей (благо, поводов к этому много), и сетовать на то, что вот, мол, даже в брежневском Совке такого не было, и прочее в этом духе. Однако, если оставить в стороне все приличные и не очень анекдоты, рожденные массовым победобесием, и посмотреть на политический смысл, заложенный в пышном праздновании 9 мая, то придется признать: Путин, с точки зрения его интересов, делает всё правильно. Ибо куль 9 мая работает именно так, как было изначально задумано. И так, как это Путину и путинской элите надо.

Почему, собственно, с этим культом и нужно решительно и беспощадно бороться. Впрочем, не будем забегать вперед, а начнем, традиционно, с краткого погружения в историю вопроса.

9 мая: ноу-хау дорогого Леонида Ильича

Любой политический строй нуждается в легитимации, то есть в том, чтобы объяснить своим гражданам (подданным, негражданам и т.д.), почему именно он имеет законное право на власть. Монархические системы, как правило, апеллируют к божественному праву, республики – к народному волеизъявлению.

На чем же базировалась легитимность советского режима?

Как известно, с самого своего основания советское государство заявило о себе как о диктатуре одного класса – пролетариата. Государственной идеологией стал марксизм-ленинизм (а значит, атеизмоматериализм). По-простому говоря, народу была предложена следующая схема: нужно вырезать всех аристократов, священников, офицеров, купцов и интеллигентов («эксплуататоров» и «паразитов»).

После этого, под руководством коммунистической партии, должен был наступить земной – и тоже коммунистический – рай. Именно в этом обещанном, причем в самые короткие сроки, земном рае и коренилась легитимность советской системы в глазах симпатизирующих ей социальных слоев. Мол, папу зарезали, маму зарезали, зато завтра все магазины будут бесплатные и трёхчасовой рабочий день.

На протяжении и ленинского, и сталинского времени эта нехитрая, в общем-то, идея обыгрывалась на все лады. Социалистический рай должен был наступить 1) после революции, 2) после победы в гражданской войне, 3) после первой пятилетки, 4) после второй

пятилетки, 6) после окончания индустриализации страны, и т.д., и т.д.

Символом этого грядущего «светлого завтра» (а равно – и символом легитимности режима) было 7 ноября, день «Великой Октябрьской социалистической революции».

На протяжении всего сталинского периода упор всегда делался на эту дату. Что же касается советско-германской войны 1941-45 гг., то в сталинские времена её сознательно старались лишний раз не вспоминать. Для этого были разные причины, но главная, по всей видимости, заключалась во вполне естественном страхе Сталина перед собственными маршалами. Ибо кремлёвское тараканище прекрасно понимало, что в условиях тоталитарного режима единственным альтернативным центром власти (по отношению к правящей партии) является Армия. И, конечно, пышные парады на 9 мая и прославление «воинов-победителей» может разжечь политические аппетиты у командного состава, что Сталина никак не устраивало.

Что же до Хрущева, то он старался ориентироваться на «незамутненные» ленинские образцы. В частности, в очередной (и последний) раз назвал точные сроки построения коммунизма (к 1980 году).

Брежнев, вставший у руля после отправленного на пенсию Хрущева, обнаружил одну крайне неприятную

вещь: уровень моральной легитимности режима начал падать. Оно и понятно: маму зарезали, папу зарезали, сами сидим в обносках и нежрвши – а коммунизм не только не наступил, но и, если верить партии и правительству, отдался куда-то уж совсем далеко. И тут уже самый закоренелый шариков начинал нет-нет, да и бросать косые взгляды на эти самые партию и правительство.

Советской системе нужно было срочно найти какую-то дополнительную моральную санкцию, оправдывающую ее существование. И, надо сказать, Брежнев и Ко решили проблему весьма изящно, начав раскручивать 9 мая и всю вообще тематику «Великой Победы». Нацистская Германия преподносилась как абсолютное зло, в сознании советского обывателя Гитлер занял примерно то же место, какое в сознании правоверного католика занимает диавол. Соответственно, если нацистская Германия – это инферно, то СССР, победивший ее – это носитель вселенского добра и источник всякого блага. А компартия – это этакий безбожный и коллективный Георгий Победоносец, сокрушивший чудовищного «фашистского» дракона.

Этот заход широкие народные массы восприняли позитивно.

Советская система, историческое фиаско которой уже явственно намечалась, обрела себе опору среди тогда еще многочисленных и

активных фронтовиков-ветеранов.

Так СССР и дожил до своего формального распуска, базируя свою легитимность на двух началах, каждое из которых определялось соответствующей датой – 7 ноября и 9 мая.

Последнее прибежище совковых упырей

Ельцинский режим, который официально был как бы демократическим, свою легитимацию пытался черпать обычным для демократов способом – то есть в народном волеизъявлении (в 90-е это формулировалось так: «сами выбрали, так что не жалуйтесь теперь, не жалуйтесь...»). Однако элита и «творческая» интеллигенция остались прежней, советской. И в «нулевые» годы, когда Путин начал постепенно сворачивать гражданские свободы и выстраивать диктаторский режим, ему потребовался какой-то иной источник легитимности.

Почему страной правят те же люди, что и до 1991-го года (или их потомки)? Зачем терпеть коррумпированную и антируссскую систему? Почему в стране, десятки миллионов жителей которой пострадали от большевицких репрессий, идет всеохватывающая ресоветизация? При том, что от коммунизма официально как бы отказались?

Все это нужно было как-то объяснить. И выход был найден: существующий в РФ политический строй легитимен потому, что он – продолжение советского строя. А советские, в свою очередь, были легитимны по той причине, что они победили «самое страшное зло в истории» – фашизм. Стало быть, кому путинская РФ не нравится – тот сам за Гитлера, фашист, служитель абсолютного зла.

Так 9 мая стало единственным мировоззренческим столпом необольшевицкой путинской системы. Почему у русских нет своего национального государства? Потому что у Гитлера тоже было что-то национальное, а значит, это фашизм! Почему нельзя ввести визовый режим со странами Средней Азии? Потому, что с ними вместе Гитлера воевали, и кто за визы и за ограничение миграции – тот фашист! Почему возвращается советская символика? Так ведь под ней фашистов побили, кто не согласен – сам фашист! И т.д. и т.п.

Выработался и шаблонный механизм реабилитации советчины: мол, ветераны просили – а как им, родным, фашизм заборовшим, было отказать? А ветераны (?) просили всё больше и больше: то им памятники Сталину подавай, то шашлычную «Антисоветскую» закрой, то уже и целый Сталинград на карте нарисуй. И вообще, не смейте плохо говорить про Совок, ибо фронтовиков это-де оскорбляет.

В настоящий момент в РФ сформировался уже квази-религиозный

В 1941-1945 гг. миллионы русских попытались использовать немцев для освобождения от коммунизма, сражаясь в рядах таких патриотических формирований, как Русский Корпус на Балканах.

культ 9 мая, а ветераны в нем выполняли функцию этаких друидов – носителей высших знаний и высшей нравственности, и все остальные обязаны были благоговейно внимать всему тому, что они изрекают. (Правда, на роль главных друидов обычно подбирали не простых ветеранов, а специальных, но это отдельная тема.) Именно их «друидским» благословением официально объясняется реставрация советской символики, фактическая реабилитация Сталина и прочие свинцовые мерзости, которые при иных раскладах отказалась бы глотать даже и вполне запутинская публика. Впрочем, подключили и иные мощности: характерно, что в последние годы к раздуванию культа 9 мая вновь активно подтянулась Московская Патриархия (из последних находок – освящение георгиевских ленточек).

«Великая Победа», безбожная советская пасха 9 мая – это единственный идеальный стержень, опровергающий существование неосоветской путинской системы.

Именно по этой причине в последние годы девятомайский кульп приобрел совершенно запределный размах. И именно по этой причине режим так болезненно реагирует на всякое критическое прикоснение к этой дате. Ибо все, от Путина до последнего постового мента, понимают: 9 мая – это единственное, что их скрепляет и цементирует. Вырви 9 мая – и политическая система РФ потеряет всякую моральную легитимность.

Вот поэтому, собственно, его и необходимо вырвать. Ибо кульп 9 мая – это тот крючок, дергая за который, путинский агитпроп затягивает сознание русского человека в инфернальные недра советского маразма. Ведь если ты признаешь, что 9 мая 1945 года победили некие «наши», то, волей-неволей, ты признаешь своим и советское государство. Ведь победило именно оно! И, конечно, признаешь, как минимум, некие положительные качества Сталина – ведь он был главнокомандующим армии-победительницы. А раз так, то далее неизбежно придётся найти нечто положительное и в советской экономике, основанной на рабском труде лагерников и колхозном крепостничестве. И в деятельности ведомства Лаврентия Берии, которое курировало, в том числе, разработку новых видов оружия. Словом, коготок увяз и т. д. – нормальный русский человек превращается в совкового мутанта.

Кульп 9 мая – это трупный яд советчины. Но особенно ужасно то, что дают его в ванильной упаковке.

Дедушка – отдельно, Совок – отдельно!

Девятомайщина – это действительно гениальная пропагандная придумка брежневской эпохи. По той причине, что она смогла лояльность Совку связать с естественными, семейными привязанностями. С образом дедушки – фронтовика, который качал тебя на руках в детстве, водил за ручку из школы, кормил с ложки кашкой и прочее в этом роде. И когда человек слышит, что 9 мая – это не так чтобы очень хорошо, но даже очень нехорошо, у него сразу же вспыхивает в сознании образ такого дедушки (или кого-то еще из близких родственников). И далее идет чёткая эмоциональная сцепка: отказаться от 9 мая – значит предать дедушку, который качал тебя на руках и т. д. и т. п. Что, в свою очередь, вызыва-

ет естественное отторжение. Трупный яд 9 мая, который нормальному человеку, в принципе, отвратителен, упаковывается в ванильную обёртку, что делает его заглатывание куда более легким, и даже более того – обязательным. Именно эта психоэмоциональная сцепка и является едва ли не главным фактором, обеспечивающим живучесть культа 9 мая.

И, наверное, она могла бы стать непреодолимым препятствием, если бы не была результатом пропагандного шулера.

Ведь тот факт, что дедушка храбро сражался и стойко терпел военные лишения, совсем не означает, что вследствие этого он стал всеведущим и непогрешимым в вопросах политики, экономики и т. п.

При этом воинская доблесть заслуживает уважения сама по себе, даже если она была проявлена на войне, которую никак нельзя назвать «священной». Словом, уважение к людям, сражавшимся на фронте в годы Второй Мировой войны, в том числе и в рядах РККА, нельзя автоматически проецировать на те знамена, под которыми они воевали, и уж тем более – на политическое руководство, которое эти знамена подняло.

Что это значит на практике? Что к ветеранам советско-германской войны 1941–45 гг. нужно относиться так же, как мы относимся к ветеранам войны в Афганистане. То есть, безусловно, отдавать должное их храбрости и стойкости, но при этом отнюдь не оправдывать саму эту войну, а равно и советских вождей. Ветераны Афганистана – это, прежде всего, жертвы преступной советской системы, которая поставила их мужество и храбрость на службу своим, глубоко чуждым национальным интересам русского народа, целям.

Коротко говоря, уважение и любовь к дедушке – это одно, а отношение к советской системе – совсем другое. Ибо система эта была преступной. И дедушка – фронтовик, пусть даже и искренне верящий, что Сталин был ему отцом родным – тоже жертва советского режима. Жертва тоталитарного коммунистического воспитания, осуществлявшегося в условиях полного отсутствия альтернативной информации (что уже является своего рода насилием), жертва систематической большевицкой пропаганды, жертва той атмосферы страха за себя и за своих близких, которая была создана НКВД, и т. д.

И если он этого не осознает – то это тем более печально. И заслуживает снисхождения и сострадания – но никак не подражания. Именно такое отношение и является, на самом деле, естественным. И именно его нам нужно реанимировать – начиная с самих себя и заканчивая всем нашим обществом в целом. В противном случае, каждое новое поколение будет заглатывать девятомайский крючок советчины, скрытый сладкой оболочкой как бы нормальных семейных привязанностей. И далее уже будет покорно следовать за необщественными коноводами – хоть за Путиным, хоть на планету Нибиру.

С другой стороны, если кульп 9 мая будет подорван, то путинская система потерпит сильнейшее поражение на идеологическом фронте. Поражение, которое для неё будет фатальным. Чего, собственно, национальные интересы русского народа и требуют.

Димитрий Саввин

ШТРИХИ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

5

1945-й год. Из Мариенбада нас привезли на американских военных грузовиках в Байройт. Этот город знаменит тем, что Вагнер ставил свои оперы. Там находилось здание театра, но осталась только одна парадная стенка, а все здание было разрушено. Мы там пробыли недолго, успели посмотреть на развалины Вагнеровского театра. Это единственное что мне запомнилось в этом городе. К счастью перед отправкой из Мариенбада мне принесли очки которые закрывали мои глаза со всех сторон, а у всех других все лицо и глаза были покрыты густым слоем пыли.

Проездом были и в Ньюрнберге, остановка была не на долго. Оттуда в маленький город Кулмбах, все еще на грузовиках. А здесь было опять интересно, потому что нас поместили в замок, – это уже второй раз Мама и я жили в замке.

Но хозяев не было. Одну половину замка занимали мы, беженцы, а во второй держали военнопленных венгров. Однако это мы узнали не сразу. Нам предоставлен был огромный длинный зал где прежде танцевали и раздавались звуки музыки. Теперь стояли двухъярусные кровати и со стороны окон стояли столы и скамейки для нас, беженцев. Мы устроились заняв три койки. Рядом с нами – белый генерал Барбович с супругой и дочерью. Мы пользовались одним столом по очереди и по надобности. Дочь генерала, Людмила Ивановна, держала свою двух месячную девочку на руках.

Место где стоял замок было на горке и можно было спуститься в город идя вниз по ней. Но возвращаясь нелегко было идти пешком в довольно крутую горку.

С питанием было трудно. Надо было как то доставать пищу. В городе можно было кое-что приобрести, и Мама взяла меня с собой. Там она купила 25 килограммов картошки и я помогала ей как могла, подталкивая и приподнимая мешок время от времени на ходу.

С другой стороны замка был хороший густой лес. Там было много грибов, и нашлась одна «бабушка», которая научила меня и еще нескольких девочек отличать хорошие грибы от ядовитых. Мы начали собирать грибы и с нами иногда ходила и Людмила Ивановна. Там были разные грибы: лисички, подберезовики, подъосиновики, опенки и другие, – это все было питанием.

Однажды я и несколько девочек, моих сестерниц, в сопровождении Людмилы Ивановны, – она была одна взрослая, – как всегда пошли в лес за грибами. Справа был лес, а слева мы увидели под горой чудесные деревья на которых висели огромные яблоки. Мы все девочки, будто говорившиеся, побежали к яблокам. Я сорвала штуки три и побежала обратно вверх по горке к дороге, где стояла Людмила Ивановна. Она нас побранила, но мы благополучно добрались до замка.

На следующий день мы опять пошли за грибами и опять, увидев эти яблоки побежали вниз с горы. Людмила Ивановна даже не успела что нибудь сказать. Мы набрали по несколько яблок как услышали сзади лай собак. Мы бросились наверх к дороге, и Людмила Ивановна побежала вместе с нами к

замку по дороге говоря “скорее бегите и переоденьтесь, чтобы вас немцы не узнали”. А немцы эти выпустили на нас собак. И пришли жаловаться. Мама была в ужасе, но нас никто не узнал, только больше не пришлось ходить в лес, даже за грибами, кстати там же мы собирали и чернику. Это наверное были призовые яблоки, большие, красивые, сочные и сладкие.

Разделяя с нами пользование столом был некий Анатолий Николаевич. Мы посмеивались над ним потому, что он страдал микрофобией и по несколько раз в день обмывал стол и скамейки. Наверху в замке в отдельной комнате жила еще одна семья. Отец, уже старик, его жена, гораздо моложе его, и двое взрослых детей. Сын работал у американцев, и дочь жила с ними. Мы с ними познакомились на крыше замка где священник, который оказался среди нас, беженцев, служил молебны. Мы пели и эта дама тоже пела. Был еще один священник молодой, его матушка и малыш. Мальчика звали Элладий. Он ходил тщательно изображая будто в руках его кадило и кадил. Мы его прозвали “Оладышком”.

Эта дама, напишу только инициалы ее имени В.В., которая жила с семьей в отдельной комнате приготовляя овсянную кашу с салом и подкармливала мою старшую сестру приглашая ее покушать с ними. В.В. была необыкновенно добрым человеком. Она рассказывала что в СССР ходили по домам и по квартирам собирая подписи для расстрела совершенно незнакомых людей. И ее считали “странной” потому, что она ни разу не подписала смертной казни.

Младенец Людмила Ивановна много и подолгу плакала и кричала. Наверное у нее были колики и ее носила на руках мать, потом брала ее генеральша, бабушка младенца. Она уставала и тогда моя Мама брала ребёнка, убаюкивала, пела, качала, и он утихал.

В конце августа Людмила Ивановна сказала Маме, что один военнопленный венгерский офицер сказал ей, что у него есть сведения, что американцы собираются обнести проволокой весь замок, и что он советует, пока еще возможно, скорее отсюда уходить.

Людмила Ивановна сговорилась с шофером, который привозил американцам чистую одежду и белье, заплатила ему, чтобы он вывез из замка группу беженцев.

Он согласился и на следующее утро, в 5 часов утра он нас вывез, 17 человек. И всех высадил на Аутобане, перед закрытым рестораном. Мы стояли шеренгой, с пожитками. Ни сесть, ни воды достать, ни пищи. Стояли и ждали. Уже близился полдень и никто еще ни разу не проехал мимо. Людмила Ивановна пошла к ресторану посмотреть, нет ли кого-нибудь около или внутри, но все было закрыто и никого кругом не было. Она подошла к маме и сказала: “Молитесь, я не знаю что с нами будет”. В нашей группе были Зозулины. Нина Зозулина была одноклассницей моей старшей сестры в Русско-Сербской Женской Гимназии в Белграде. С ней был ее престарелый отец, ее брат Игорь с женой и родители его жены. И еще несколько человек, теперь не помню кто именно. И вот мы все

стали молиться. Каждая семья по своему. Мама читала молитвы, а мы крестились. Время проходило незаметно, и мы все еще стояли и ждали, как послышался звук мотора. Мы стали смотреть на дорогу и увидели, как приближался автобус, но остановится ли он? И когда он подъехал и остановился то это был не один автобус, а целых два! Людмила Ивановна сказала: "не будем разделяться, садимся все в один автобус". Мы не знали куда он едет и куда он нас привезет. Поехали и когда он остановился, то мы оказались в Мюнхене, в Deutsches Museum, где тогда был сербский беженский лагерь. Было уже 5 часов по полудни. Это просто чудесное происшествие!

Администрация сербского лагеря устроила русских беженцев, и нас через некоторое время перевезли в другой беженский лагерь. Но об этом в другой раз.

Графиня Е. Коновницына

Настанет день

38-летие Мальвинской войны
Н. Л. Казанцеву

Настанет день, когда – не знаю,
В какой благословенный год?
Но выйдет флот из Ушуайи,
Из Комодоро выйдет флот,

И прочертят в зените буден
«Скайхоки» белую струю,
И офицер молиться будет,
Как будто он уже в раю.

И утром, в спальне
полутёмной,
В какой – не знаю снова,
год – Звонок раздастся
телефонный,
И снова молодость придёт.

Настанет день, гремя
трубою,
И осознанье – с этим днём:
Как Царство Божье –
только с бою,
Так, с островами – честь
вернём.

За славу Сан-Мартина, за
павших,
За плач у белого креста –
Всё будет нам по вере нашей,
Так учит Небо неспроста.

Настанет день – и вновь
разрубит
На «до» и «после» наши
дни...
Теперь менендесов не будет.
Теперь – Эстевесы одни.

И всё вернётся: чаек стоны,
Зелёный берег в свете дня...
И, проверяя микрофоны,
Вы вслух помянете меня.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

12.04.20

Вход Господень в Иерусалим

ПРЕДГРОЗОВАЯ ЭПОХА

НА ЛЕКЦИЯХ Н. Д. ТАЛЬБЕРГА - ИЗ ДНЕВНИКА БЫВШЕГО СЕМИНАРИСТА

После французской революции 1789 года правительствам многих стран стало намного сложней управлять государствами. Люди потеряли чувство сознания приличия, духовных ценностей, различия между добром и злом и своей зависимости от Бога.

Под влиянием пропаганды о «свободе» среди населения быстро развивались требования реформ с предоставлением большего участия народных представителей в правительственные учреждениях, а под руководством появлявшихся фанатичных политических организаторов пробуждалось среди населения стремление к национальной независимости, появлялись революционные и террористические организации.

Конец 19-го столетия в связи с такими настроениями явился периодом убийства правительственных чиновников и глав государств. Убиты были президент США Линкольн, Император Мексики Максимилиан, Император России Александр II, президент Франции Карно, Шах Персии Насер Эдин и также множество министров и чиновников.

Это было тоже время быстрого развития индустрии, экономики и торговли, что делало более сложным управлять государством и требовало решений специалистов и добросовестных исполнителей государственных дел. Это не было, как шутливо писал А. Пушкин, что царь может управлять государством «лежа на боку».

Если серьезно рассматривать обязанности Государя, то будет очевидно, что у него была масса неотложных, серьезных дел, многие из которых чрезвычайно важны, но на изучение их у Государя было мало времени. Как крестьянин, так и солдат, так и священик и министр ждали от Царя его решения, указания что делать, и как поступать при затруднении.

Царская власть в России дана от Бога, Которому Царь должен будет давать отчёт и он не подлежит людскому суду. По этой причине, цари дома Романовых, были все глубоко веровавшие в Бога, и каждый из них сознавал свою ответственность перед Всевышним, Россией и её народом, стремился делать всё необходимое на пользу Православной Церкви, России и её населения. Этим отличался Император России от других глав государств.

В духе обязанностей был воспитан также и вступивший на престол Император Александр III. Нелегко было ему управлять Империей когда в стране было много недоброжелателей. Уже на следующий день после убийства Императора Александра II, на собрании Государственного Совета царю пришлось столкнуться с происходившей борьбой между консерваторами, во главе которых был К. П. Победоносцев, и желавшими продолжения реформ Императора Александра II, во главе с Лорис-Меликовым. Необходимо было обладать большой мудростью, чтобы иметь способность разбираться в сложных делах по управлению государством, при быстро происходивших изменениях в стране.

Десятилетия царствования Императора Александра II были эпохой стремительного развития России во всех областях

техники, науки, экономики и проведения необходимых реформ.

Вскоре после восшествия на престол Царь прекратил систему кантонистов, освободил множество политических заключенных, усилил торговлю с другими державами, улучшил положение евреев и поляков.

Затем последовали реформы: законодательная, воинская и образовательная. 3 марта 1861 года Царь подписал декрет об освобождении крепостных крестьян. Для поднятия уровня образования была применена воинская повинность, которая в России простиралась шесть лет и девять лет в резерве.

Тем кто получил начальное образование защищалось четыре года активной службы, среднее образование два года и университет - шесть месяцев службы.

Реформы произвели большой социальный эффект в России, но не остановили развивающийся среди богачей, аристократов и дворян радикализм. Как крестьяне, так и дворяне, не были довольны реформами, считая их недостаточными, а земская реформа ограничила земство. В 1861 году в Твери началось среди дворянства движение за введение в России конституции и участие в управлении государством, а среди студентов - распространение провокационных листовок с призывами к изменениям и организации революционных групп.

Министр Внутренних Дел Лорис-Меликов, для ослабления антиправительских выступлений, провёл реформы по цензуре прессы, освобождению многих заключенных и земства. Он также подготовил для Императора план для участия населения страны в управлении государством. Изменения правительством в Синодальном правлении Церкви не происходило, также как и не поднимался вопрос о созыве Церковного Собора. Православная Церковь по прежнему управлялась Обер-Прокурором и чиновниками не в духовном сане. Произошла массовая эмиграция менонитов, духовников, хлыстов, старообрядцев и других членов религиозных меньшинств, некоторые из которых были до этого уже переселены правительством в Финляндию, на Кавказ и в район города Мелитополя в Малороссии.

В отношении Польши, после подавления революции в 1863 году, она была разделена на губернии и в ней началась в школах русификация, что вызвало массовую эмиграцию польского населения в другие страны, главным образом в Америку.

В отношении Финляндии, то в ней было разрешено собрание диеты и была утверждена конституция, но под влиянием Победоносцев было

введено ограничение при браках православных с лютеранами, и также началась русификация. Как одно, так и другое, вызвало протесты среди лютеранского духовенства.

Многие неразрешённые прежде затруднения перешли к принявшему царский трон Императору Александру III.

Царь согласился с мнением Победоносцева, что необходимо бороться с революционерами. Поочину последнего в царствование Александра III была проведена реформа, согласно которой православное духовенство поставлено во главе народного образования. Произошёл большой рост количества храмов, монастырей, духовенство было обеспечено жалованием, с большим запозданием были открыты курсы для миссионеров, дававшие знания как защищать православие в диспутах с инаковерующими.

Во время его царствования Россия не принимала большого участия в европейских и мировых политических делах, довольствуясь существовавшим Тройственным Союзом - трёх императоров: России, Германии и Австро-Венгрии, который обеспечивал мир.

Многие историки назвали императора Миротворцем, но не принималось в соображение чем жертвовалась Россия, стремясь к миру. Россия не протестовала при занятии Великобританией Египта и государств на юго востоке Азии. Россия продала Америке Аляску и Алеутские острова, отдала Америке свои владения на Гавайских островах.

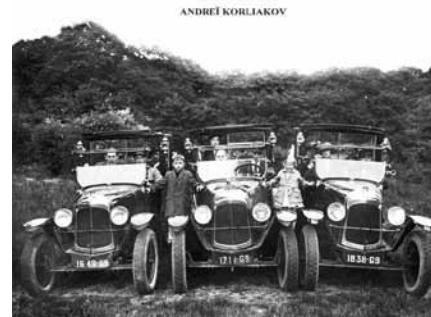
После того как Америка заняла почти весь Тихоокеанский берег многие её политические деятели стали смотреть как бы им подчинить своему влиянию посредством торговли все Тихоокеанские государства. После американо-испанской войны (и занятия Филиппинских островов), Америка начала смотреть на Россию уже не дружественно, как прежде, но как на соперника и по этой причине изменила к ней своё отношение.

Россия желала мира после Крымской войны и убийства Императора Александра II, но видела как Германия и Япония создавали мощные военные флоты.

Наблюдая это, целый ряд стран Европы и Азии также начали вооружаться. Так как «Союз Трёх Императоров» прекратил существование, Россия заключила союз с республиканской Францией, и в Европе чувствовалось, что война только вопрос времени. В таком положении внутренних и внешних дел, после смерти отца принял власть Царь Николай II.

Г. М. Солдатов

HISTOIRE ILLUSTRÉE
DE L'ÉMIGRATION RUSSE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
1917-1947
ANDRÉ KORLIAKOV

Электронный
адрес автора
Андрея
Корлякова:
ankor24@gmail.com
Стоимость аль-
бома - 50 евро.
www.emigrationrusse.
com

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

9

Четвертый выход отряда

Приведя себя в порядок, мы ожидали с нетерпением новой задачи. Во время этой стоянки были получены на отряд подарки от Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, состоящие из ящиков с различного рода консервами, по большей части рыбными. Чтобы не вскрывать ящиков, на которых, кстати сказать, не было пометок о содержимом, решено было разделить их на все крейсера поровну; разделили и спрятали на голодные годы. Я нарочно упомянул об этом незначительном случае, ибо развязка такого дележа была в последствии, очём я расскажу позже.

В первых числах июля, мы вышли в море и как в первый свой поход направились к Сангарскому проливу. Конечно, план похода, как это всегда и было раньше, знали адмирал и командиры; мы же только строили свои догадки.

Однако, по выходе, когда связь с берегом разрывалась, эта тайна обыкновенно переставала быть уже такой строгой: то старшему офицеру командир кое-что поведает из своих планов, то ревизор своими дипломатическими разговорчиками сумеет „выщапать“ от командира какую-либо интересную для нас новость. На этот же раз нам стало определенно известным, что этот поход не ограничится Японским морем, что теперь мы должны будем выйти в Тихий океан, будто бы для поимки какого-то парохода, везущего из Америки в Японию золотой груз.

Конечно, досужим кают-кампанейским разговорам и планам, возможностей встречи с неприятелем не было конца.

Подойдя к рассвету ко входу в Сангарский пролив, адмирал сигналом требовал быть готовым к полному ходу и хорошо соблюдать кильватер. С рассветом подходили мы к проливу. Не откладывая возможности, что в проливе может быть минное заграждение, пришлося принять меры предосторожности.

В Сангарском проливе существует два направления довольно сильного течения, одно идет из Тихого океана в Японское море, омывая один берег пролива, другое в обратном направлении по другому берегу.

Посередине пролива образуется значительный супорок встречных течений, с бурлящими небольшими водоворотами, линия супорока ясно обрисовывается пеной и всякого рода плавающими отбросами, щепами и деревом. Эта-то линия и была принята адмиралом за курс, так как было менее всего вероятным, что по линии супорока постановка минного заграждения для неприятеля окажется возможной. Развив 17-ти узловый ход, мы пошли форсировать пролив. Супорок был настолько значителен, что все крейсера шныряли из стороны в сторону и должно быть наш кильватерный строй был отвратителен. Никто нас не ожидал. Хакодате мирно спал при первых лучах восходящего солнца; на берегу «Ниппона» также не замечалось никакого движения

и жизни. Мало тревожимое войной население этих мест еще не начинало своего трудового дня. Наконец пролив был пройден и наши борта омылись водами Великого или Тихого океана.

Выйдя из пролива мы тотчас же наткнулись на два небольших японских парохода каботажного плавания, совершающих рейсы через пролив. Готовый баркас с «России» шёл к одному из них, стоящему с застопоренной машиной. Через несколько минут от парохода отвалило две шлюпки с посаженной туда командой, а за ними отошёл и баркас; минут через пять раздался взрыв, столб пара высоко поднялся над водой и когда он рассеялся на поверхности не было ничего: подрывной новый пироксилиновый патрон, подложенный под котёл с полными парами в один момент сделал свое дело. «Рюрику» пришлоось осмотреть другой подобный же пароход, но на котором полно было пассажиров, исключительно женщин и детей. Картина взрыва предыдущего парохода произвела на них удручающее впечатление и они на коленях умоляли нашего офицера, протягивая ему грудных ребят.

Результат осмотра был сообщён адмиралу, который дал ответ отпустить пароход без вреда, что тотчас же и было сделано; когда японки поняли, что им не причиняют никакого вреда, их радости не было предела. Отойдя мористее, мы встретили еще три больших парусных шхуны; экипаж с документами снимался на крейсера, а шхуны уничтожались пироксилиновыми подрывными патронами. Было жалко смотреть на это варварство, но в то же время эти взрывы представляли и могучую, эффектную картину.

Минеры обыкновенно подвзывают одно-фунтовые патроны под основание мачт на верхней палубе, а более крупные патроны закладывались в трюм корпуса судна и всё это с разной длинной бикфордовых шнурков. Когда осмотр шхуны кончался, люди поспешно сходили на баркас и минный офицер лично зажигал фитили патронов, баркас отваливал на свой крейсер и через несколько минут начиналось представление: сухой треск с жёлтым огоньком взрывавшегося патрона и громадная мачта, увенчанная распущенными парусами, ломается как соломинка и летит за борт, потом другая, потом третья и наконец сам корпус шхуны разлетается в щепы, оставляя на воде груду плавающих обломков.

Но, видимо, в задачу адмирала не входили такие задержки крейсеров со всякой мелочью и, приняв наш обычный кильватерный строй, мы экономическим ходом пошли на юг вдоль берегов Японии. Всё дальнейшее плавание в водах, так называемого Тихого океана, было для нас далеко на тихим, хоть, правда, погода была хорошая, но от востока шла крупная мёртвая зыбь, а так как мы всё время находились к ней лагом, нас валило нещадно, боковые взмахи доходили до крупных раз-

меров и заканчивая вахту мы спускались в кают-кампанию совершенно изломанными, как после гимнастики на машинах.

Все суставчики ломило, а мышцы в особенности ног страшно болели от постоянного балансирования при качке, но вскоре все к этому привыкли. На следующее утро, к подъёму флага никого не вызывали, так как обыкновенно на походах поднимали его «без церемонии»; старшие специалисты выходили на шканцы для утреннего рапорта по своим частям командиру, да и большинство остальных офицеров по привычке выползали на верх вздохнуть свежим воздухом.

Я вышел с некоторым опозданием после восьми часов утра и застал забавную сцену. Наш престарелый шкипер чиновник Анисимов, поседевший как лунь за свои более, чем 50-ти летние скитания по морям в плаваниях на военных судах, взволнованно метался по левым шканцам и весь красный от волнения бормотал беззубым ртом что-то непонятное, но видимо ругательное.

Я подошёл спросить его, в чём дело. Он уже ничего связного говорить был не в состоянии и, только показывая рукой на кормовой флаг, шамкал: «Вы видите! Вы видите!».

Взглянув на гафель бизань-мачты, где обыкновенно на ходу поднимался кормовой флаг, увидел там, разевающимся вместо нашего прекрасного Андреевского флага — английский военный флаг. Адмирал сделал такое распоряжение с целью не вносить паники среди постоянно попадающихся нам на пути японских рыбачьих судов, которые, действительно, видя английский флаг, дружественно махали нам руками и платками, когда случалось проходить по близости их; так мы и продолжили плавание под английским флагом. Но наш старый шкипер прямо не мог переварить такого, как он выражался, позора; долгое время офицерам пришлоось его успокаивать разными доводами, но старик так расходился, что на него не было, как говорится, „стопу“, он роптал даже на Бога, давшего ему дожить до того, что видят сейчас его глаза; до обеда он прямо был ненормальным и только за обедом, наш ревизор, любивший старика, придя в чиновничью кают-кампанию „укомплектовал“ его хорошей марсалой, к которой Анисимов был большой охотник и относился совсем не так, как к английскому флагу. Я остановился на этом воспоминании, чтобы показать ту любовь моряков старого времени к англичанам, которым в будущем пришлося сделаться нашими союзниками.

Наконец мы приблизились ко входу в Иокогамский залив и тихо подходим к берегу. При первом рассвете на нас вышел небольшой пароход под японским флагом, везущий в Иокогаму груз туха (переработка перегнивших рыбных остатков), служащего для удобрения рисовых полей. Пароход был отдан в жертву «Рюрику» и адмирал разрешил уничтожить его артиллерийским огнём. Экипаж

и документы были сняты на крейсер и на пароходе осталось только одно живое существо — ручной медвежонок, который инстинктивно предчувствуя свою гибель метался по палубе.

Старший артиллерийский офицер, желая проверить орудийные установки, решил дать возможность выпустить по очереди по боевому выстрелу каждой пушке. Но эта практика для комендаторов принесла нам много смеха и веселья. Зыбь не унималась, а стоя с застопоренной машиной наш крейсер имел страшные боковые розмахи, что очень затрудняло стрельбу. Каждый выстрел, которым пуделяли первые комендаторы, встречался взрывом хохота офицеров и наблюдавшей свободной командой.

Когда, наконец, эти пробные выстрелы обошли все пушки, а всё не было ни одного попадания, конфуз старшего артиллерийского офицера был доведён до предела, он просил комендира подойти ближе к пароходу и сам лично проверил установку 8-ми дюймового орудия, давая указания комендатору стал руководить выстрелом, который наконец попал в цель. Котёл парохода взорвало, поднялся к небу стол пары и туча, находящегося в трюмах; ветром дувшим в нашу сторону, всю взорвавшую массу туча, представлявшего полужидкий жирный и страшно вонючий продукт перегнившей рыбы, нанесло на нас и обдало весь крейсер; что мы только не делали потом, чтобы отмыться от этой липко-вонючей гадости — ничего не помогало: поручни трапов, наши перепачканные кителя и всё до чего не прикоснёшься руками, много дней потом воняло рыбой.

Адмирал, наблюдавший со стороны нашу практическую, столь неудачную стрельбу, остался недоволен, выразив своё неудовольствие сигналом, и всё это, конечно, было вымешено на старшем артиллерийском офицере Бартошевиче, которому в наказание за обедом пришлось выставить не одну лишнюю бутылку шампанского.

(Продолжение следует)

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

В теперешней России недостаток медицинских запасов, плохие условия в госпиталях и российские доктора «падают» из окон госпиталей, когда их обвиняют в неумении защитить людей от коронавируса...

Ужасная напряженность — причём власти не желают чтобы доктора жаловались и обращались бы к публике за поддержку...

От немецкого кайзера денег нет, а те которые имеются уходят на жёсткую пропаганду восхищения советчиной, только чтобы не потерять власть. И ничего не остаётся для борьбы с вирусом.

Жаль бедных докторов, и тех кто умирает от коронавируса. Вот какой там «рай».

Галина Алпатова